

по своей сути, нуждается в согласовании интересов отдельных исследователей с целями, стоящими перед обществом в целом и с теми требованиями, которые предъявляются научным сообществом к методологии и результатам научного исследования. Это означает, что в научном творчестве присутствует сложное, диалектическое сочетание личностного и социального интересов, обуславливающее необходимость создания адекватной этой задаче «питательной среды», благодаря которой становится возможным решение главной задачи научной деятельности – производства нового знания. Как писал М. К. Петров: «Эта общность и единство в оценке решающей роли личного начала, яркой индивидуальности, необычной мысли, нетрадиционных задач и нетрадиционного подхода к их решению, как раз и образует, как нам кажется, ключ к пониманию интимных механизмов научного творчества, который можно было бы в первом приближении определить как кумуляцию разномыслия» [1, с. 145].

Концепт «кумуляция разномыслия» является очень важным для понимания сущности и специфики научного творчества, т.к. именно здесь фиксируется единство индивидуального и коллективного, выступающее как результат индивидуальных творческих исканий без повторов и плагиата, и синтез принципиально нового знания с учетом достижений современников и предшественников, происходит своего рода «вписывание» индивидуальных достижений в научную традицию, чем достигается эффект кумуляции научного знания.

Список литературы

1. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1992. – с. 145.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС АФФЕКТИВНОЙ РЕАКЦИИ НА ВООБРАЖАЕМЫЙ (СФАНТАЗИРОВАННЫЙ) ПРЕДМЕТ В РАБОТАХ Э. ГУССЕРЛЯ И Ж.-П. САРТРА

Дрожецкая Е. В.

Аспирант Философского факультета

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

УДК 1/14 (091), 165.62

В докладе исследуется феноменологический статус аффективной реакции на воображаемый (сфантазированный) предмет с точки зрения Э. Гуссерля как основателя феноменологии и Ж.-П. Сартра, вдохновленного его идеями и создавшего собственную «феноменологическую психологию воображения». Мы отталкиваемся от утверждения Гуссерля о существующей между актами восприятия и фантазии корреляции, выражающейся в том, что в фантазии может быть апперцирован тот же самый предмет, что и в восприятии. Также Гуссерль справедливо отмечает, что в случае, когда мы «живем» и растворяемся в актах фантазии, на ее основе возникают комплексные акты, и в частности акты аффективные, в которых мы эмоционально затронуты сфантазированным предметом. Возникает вопрос о том, могут ли такие чувства иметь аналогичную природу, что и чувства, направленные на предмет восприятия. На этот вопрос и Гуссерль, и Сартр дают отрицательный ответ, содержание которого вкупе с соответствующей аргументацией и будет исследовано в докладе.

Ключевые слова: воображение, фантазия, аффективные акты, модифицированные акты, квазичувства, модус «как если бы».

PHENOMENOLOGICAL STATUS OF AN AFFECTIVE REACTION TO AN IMAGINED (PHANTASIED) OBJECT IN E. HUSSERL'S AND J.-P. SARTRE'S WORKS

Drozhetskaya E. V.

*post-graduate student of the Department of Philosophy
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)*

Husserl points out parallelism between the perceptual and imaginative (phantasy) intentions, namely that to every perceptual presentation a phantasy presentation corresponds in which the same object is intended nearly in the same manner. Both a perceptual act and an act of phantasy may found complex acts of the similar sorts, including affective ones. As Husserl marks further one can either exercise a phantasing act without living in it or carry out the act of phantasy intuiting the phantasied object as if it were actual and were present «in person». In the latter case considering the supposed similarity of perceptual and phantasied objects a question arises whether emotions aimed at them may be exactly the same. Both Husserl and Sartre give a negative response which I am going to examine.

Keywords: imagination, phantasy, affective acts, modified feelings, quasi-feelings, «as if it were» mode.

Как отмечает Э. Гуссерль в V «Логическом исследовании», одна и та же интенциональная предметность может подразумеваться различными способами, с помощью разных типологических свойств актов сознания (*Aktcharakteren*) [1, с. 375–377, 390]. Иными словами, одна и та же материя (абстрактный момент интенционального содержания акта сознания, обеспечивающий его первичное отношение к предметному) может сочетаться с любым качеством акта. Развивая эту мысль, Гуссерль указывает, что, в частности, возможно наличие общей материи для актов восприятия и фантазии – постольку, поскольку предмет схватывается в них «как тот же самый» [1, с. 382]. В лекциях 1904–1905 гг. (текст №1 из HUA XXIII) Гуссерль уточняет свой тезис, утверждая, что существует корреляция между актами восприятия и воображения (фантазии), заключающаяся в том, что каждому представлению в восприятии корреспондирует представление в воображении (фантазии), в котором интенция направлена на тот же самый предмет и даже тем же самым способом [2, с. 17]. В свою очередь, и акт восприятия, и акт воображения (фантазии) могут стать фундирующими для комплексных актов, и в том числе для актов аффективных¹. Как отмечает Гуссерль, наряду с актами фантазии, в которых наше внимание² не направлено на сфантазированный предмет, он не является объектом нашего интереса и играет второстепенную роль, возможны такие акты фантазии, в которых мы «живем», вследствие чего созерцаем сфантазированный предмет так, как если бы он был действительным и присутствовал здесь и сейчас «во плоти» [2, с. 411–412]. В последнем случае, учитывая предполагаемую возможность тождества воспринятого и сфантазированного предметов, а также возможность быть поглощенным предметом фантазии до «самозабвения» [2, с. 412], возникает вопрос, могут ли обладать чувства, направленные на сфантазированный предмет, той же природой, что и чувства по отношению к воспринятому предмету.

Здесь мы сталкиваемся с рядом трудностей. Как утверждает Гуссерль, «сфера фантазии полностью отделена от сферы восприятия» [2, с. 53]. В соответствии с гуссерлианской схемой конституирования предмета реальное содержание акта восприятия включает в себя чувственные данные – ощущения, которые апперципируются указанным актом, тогда как в акте фантазии подвергаются интерпретации иные чувственные данные – фантазмы [2, с. 11].

---

¹ Необходимо отметить четкое различие, проводимое Гуссерлем между ощущениями – неинтенциональным содержанием сознания, нуждающимся для конституирования предмета в «одушевлении» апперципирующим актом, и чувствами, являющимися интенциональными актами.

² О функции внимания см. § 19 V «Логического исследования» [1, с. 370–375].

Основное отличие, однако, в способах апперцепции чувственных данных: восприятие, которое Гуссерль считает парадигмальным актом сознания, представляет собой приведение к присутствию предмета «во плоти», встречу с вещью, тогда как фантазия является всего лишь репрезентацией (репродукцией) отсутствующего предмета. В случае фантазии предмет является нам не в собственном смысле этого слова, а лишь в модусе «как если бы», что позволяет Гуссерлю называть его «квазивидимым» предметом [2, с. 50]. Вопреки высказанной ранее позиции о возможном тождестве предмета восприятия и фантазии Гуссерль приходит к выводу, что «сфантазированный предмет, рассматриваемый в точности так, как он является в фантазии, нельзя найти ни в каком восприятии» [2, с. 63].

Однако вывод о том, что ни ощущения и фантазмы, ни поле воспринятого и сфантазированного не могут сосуществовать, еще не дает права утверждать, что и чувство, направленное на сфантазированный предмет, не может иметь тождественную природу с чувством, направленным на предмет восприятия. Будет неверным предположить, что чувство, направленное на сфантазированный предмет, всегда с необходимостью является объектом рефлексии. Напротив, как отмечают и Гуссерль, и его учитель Brentano, рефлексия, направленная на чувства, неизбежно модифицирует их. Также было бы ошибочно смешивать чувство, направленное на сфантазированный предмет, со сфантазированным чувством [2, с. 457]. В то же время Гуссерль полагает, что репрезентативная природа сфантазированного предмета, его данность в модусе «как если бы» определяет и сущность связанного с ним чувства – данное чувство является модифицированным, поскольку не связано с действительностью, направлено не на актуальный (присутствующий), а на отсутствующий предмет. Гуссерль именует его «квазичувством», чтобы подчеркнуть его различие с действительным чувством, которое может быть направлено только на предмет, данный в восприятии [2, с. 411, 446–447].

Эту сущностную особенность чувства, направленного на сфантазированный предмет, исследует Sartre [3]. Он также настаивает на том, что реальность и воображаемое являются радикально различными сферами. При этом обе этих сферы для Сартра обладают своего рода целокупностью, предполагающей, что индекс реальности либо, соответственно, ирреальности имеют не только сами предметы, но и все проявления душевной жизни. Так, в реальном мире равно реальны и аффективные, и волевые акты, тогда как в воображаемом мире все акты сознания являются воображаемыми, однако не в буквальном смысле. Согласно теории Сартра аффективность участвует в самом конституировании образа, в связи с чем необходимо различать данную ситуацию с аффективной реакцией на воображаемый предмет. Чувство, возникшее по отношению к воспринятому предмету, непрерывно обогащается в силу того, что предмет никогда не является целиком и изолированно, а лишь во внутреннем и внешнем горизонте потенциального опыта. Поскольку в восприятии происходит встреча с предметом в его подлинности, «во плоти», он обладает изменчивостью и всегда ускользает от окончательной определенности, что и поддерживает существование чувства. В отличие от реального, воображаемый предмет, по мнению Сартра, конституируется с участием аффективности и знания и не может предложить чувству ничего нового помимо того, что мы сами туда вложили, пусть и на дорефлексивном уровне. Поэтому возникшее по отношению к воображаемому предмету чувство не может быть реальным, оно поддерживается усилием воли и постепенно вырождается, становясь все более абстрактным.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч.1: Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2011. – 565 с.
2. Husserl E. *Phantasy, image consciousness, and memory (1898-1925)*. Dordrecht: Springer, 2005. – 723 p.
3. Сартр Ж.-П. *Воображаемое. Феноменологическая психология воображения*. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.